

Check for updates

Теория и история культуры, искусства

УДК 18

EDN CFTGRH

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-3-278-285>

Научная статья

Русское письмо: константы и интерпретации

А. А. Грякалов ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Грякалов, А. А. (2025) Русское письмо: константы и интерпретации. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 3, с. 278–285. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-3-278-285> EDN CFTGRH

Получена 15 марта 2025; прошла рецензирование 8 сентября 2025; принята 30 сентября 2025.

Финансирование: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 54 — ВГ).

Права: © А. А. Грякалов (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. Актуализирована тема дискурсивных практик творчества с обращением к концепту письма, что концептуально соотнесено с принципиально значимыми позициями литературного и критического творчества В. В. Розанова, с идеями «логики воображаемого» Н. А. Васильева и метафизикой литературы С. Д. Кржижановского. Общим моментом для смысловой и аксиологической соотнесенности выступают позиции надпротиворечивости смысла, доминирование отношений, значимость надличностных характеристик творчества, представление субъекта в его статусе свидетеля. Показано, что в разных областях гуманитарного знания и литературного творчества возникают близкие по содержанию смыслы, создающие объединяющую «метафизику чувствительности» (Н. М. Бахтин), где идеи и переживания взаимно обращены друг к другу. Актуализирована тема энантиодромии, когда энергия смысла рождается из противоречивых взаимостремлений, состоящих в глубоко продуманных представителями эстетики русского символизма отношениях нераздельности/неслиянности. Обосновывается положение о том, что связанный с проблематикой письма структурно-пространственный подход позволяет выявить и утвердить доминантные константы рефлексии творчества и жизнестроения. Историческое становление проблематики констант и интерпретаций концепта письма связано с теорией поэтического языка русских формалистов. Речь идет о поэтическом как воплощении письма в его особенной связи с философско-антропологическими, этическими и политическими компонентами сознания и жизнестроения. Важным представляется влияние поэтического языка, особым образом организованного автономного феномена, на формирование идей текста, письма, дискурса и события в пределе актуальных антропологических представлений о творческом субъекте — свидетеле.

Ключевые слова: письмо, поэтический язык, текст, дискурс, рефлексия, творчество, событие, субъект-свидетель

Russian writing: Constants and interpretations

A. A. Gryakalov ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb, Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Gryakalov, A. A. (2025) Russian writing: Constants and interpretations. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 3, pp. 278–285. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-3-278-285> EDN CFTGRH

Received 15 March 2025;
reviewed 8 September 2025;
accepted 30 September 2025.

Funding: The research was supported by an internal grant from Herzen University (project No. 54-VG).

Copyright: © A. A. Gryakalov (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Abstract. This article addresses creative discursive practices through the concept of ‘writing’, drawing conceptual links with the fundamental tenets of Vasily Rozanov’s literary and critical work, with Nikolai Vasiliev’s ideas of the ‘logic of the imaginary’, and Sigizmund Krzhizhanovsky’s metaphysics of literature. These perspectives share a common ground in the trans-contradictory nature of meaning, the dominance of relationships, the importance of the transpersonal characteristics of creativity, and the representation of the subject as a witness. It is shown that similar meanings arise in different fields of the humanities and literary creativity, forming a unifying ‘metaphysics of sensitivity’ (N. M. Bakhtin) where ideas and experiences are mutually addressed. The article brings to the fore the theme of enantiodromia, where the energy of meaning is born from contradictory mutual aspirations residing in the relationships of ‘inseparability/non-fusion’ — a concept deeply analyzed by the representatives of the aesthetics of Russian Symbolism. The article substantiates the view that a structural–spatial approach to the problem of writing makes it possible to identify and affirm the dominant constants of reflection, creativity, and ‘life-building’. The historical development of the problem of constants and interpretations of the concept of ‘writing’ is linked to the Russian Formalists’ theory of poetic language. This refers to the poetic as an embodiment of writing in its special connection with the philosophical, anthropological, ethical, and political components of consciousness and ‘life-building’. The article considers the significant influence of poetic language — as a specially organized autonomous phenomenon — on the formation of the concepts of text, writing, discourse, and events, and ultimately on the formation of relevant anthropological conceptions of the creative subject as a witness.

Keywords: writing, poetic language, text, discourse, reflection, creativity, event, subject–witness

Экспозиция

Письмо, актуализированное в идейном пространстве структуралистской и постструктуралистской парадигм, обращено к процессам смыслогенеза, которые находятся между всеобщим языковым полем и индивидуально-стилистическими особенностями творчества. Это, можно сказать, имманентное представление и первичная рефлексия творческого процесса.

Анализ и понимание письма выражает стремление представить не сходные, а принципиально значимые константы литературно-философского творчества (В. В. Розанов), «логику воображаемого» философа (Н. А. Васильев) и эстетические смыслообразы (С. Д. Кржижановский). Именно произведения Розанова, сочинения Васильева и многогранные работы Кржижановского вызывают сегодня особый интерес при обращении к лейтмотивам и фигурам дискурсивных практик.

В разных областях гуманитарного знания и литературного творчества возникают близкие

по содержанию смыслы, создающие объединяющую «метафизику чувствительности» (Н. М. Бахтин), где идеи и переживания обращены друг к другу. Вычисление же, если применить идею Л. Витгенштейна, не делает ни одна апробация сама по себе, но прежде всего совпадение апробаций (Витгенштейн 1994, 174).

Эти исходные интенции творчества представляют основные ориентиры в стремлениях целостно и надпротиворечиво определить положение и действия постклассического субъекта и актуальные конфигурации смыслогенеза. Дело не в том, чтобы применить новый термин, а в том, чтобы с его помощью открыть значимые особенности и константы отечественной мысли и литературы.

Имеет смысл добавить, что письмо поверх эпистемологической качественности обладает антропологическим содержанием. Субъект письма словно выходит за пределы собственной субъектности и оказывается в опасной зоне и одновременно относительной защищенности, где сняты противоречия. Речь при этом отнюдь не идет о так называемой толерантности.

Понятие письма задействовано в отечественной мысли — в творчестве Д. П. Святополк-Мирского термин «русское письмо» обращен к поэзии русского символизма (Святополк-Мирский 2018, 380). Письмо в сравнении с критикой приобретает экзистенциальный фон защиты — получает надындивидуальные полномочия творчества: «Я — то бездарен, да тема моя гениальна» (В. В. Розанов). Это тема восхождения к ответственному и возвышенному. Здесь следует вспомнить идею символистов о взаимной обращенности «восхождения» и «нисхождения», вслед за В. Ивановым ее активно развивал М. М. Бахтин. Децентрированная фигура автора-субъекта способна вновь рождаться в фигуре воссоздаваемого письмом субъекта-свидетеля.

Д. П. Святополк-Мирский в работе «Русское письмо» стремился показать стяженность и проникновенность позиций в едином становлении мысли. Это идея об имманентном рассмотрении литературы как эстетического явления, подчиняющегося собственным законам, без привлечения в качестве подпорок любых разновидностей публицистики, пропаганды и даже философии.

Концепт письма во многом наследует постструктуралистское понимание текста, противопоставленное пониманию произведения. «Произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе... Текст — не продукт распада произведения, наоборот, произведение есть шлейф воображаемого, тянущегося за текстом. *Текст ощущается только в процессе работы, производства*» (Барт, 1989, 415). Именно дискурсивное производство письма идет вслед идее эстетики формализма — пониманию поэтического языка и литературности. В разных областях культурного творчества происходит актуализация производства символического, хотя оно может быть обращено к различным истокам и объяснениям, как произошло в творчестве Розанова, Васильева и Кржижановского. Письмо представляет собой не только экономику символического, но одновременно и становление нового постклассического субъекта и актуальной топологической субъективности — субъект выходит за пределы понимания классической рефлексии. Формируется субъект за пределами самого субъекта, можно сказать, действует надпротиворечивая логика с ее предельным вниманием к символическому и воображаемому.

Подобная надпротиворечивость выходит за пределы жестких структуралистских противопоставлений и сближается с *концепцией месторазвития* евразийцев, именно с лингвоорганическим пониманием культуры и жизнестроения.

В таком понимании письмо предстает как глубинная укорененность в архитектонику русской мысли. Более того, следует добавить, в традиции компаративистики во взглядах современного спекулятивного реализма актуализирована тема автономности и независимости художественного произведения, к которому нужно подходить в режиме незаинтересованного созерцания (Харман 2023, 357).

Рефлексия письма

Письмо находится в сфере топологического понимания, образы и смыслы укоренены в определенные места: месторазвитие, жизненный ландшафт, произведение, тело.

Долгое время считалось, что структурализм совершенно чужд традициям отечественной науки, говорили даже о *сальерианской* линии в гуманитарных науках, умертвляющей живое творчество и понимание искусства. Однако в современной критике все более укрепляется мысль об органичности структуралистской методологии в отечественной гуманитаристике. Аргументом в таком случае выступает топологическая рефлексия, которую представляют столь разные ученые и литераторы, как Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, В. Хлебников. Внимание к месту — *топосу* — оказывается связующим началом исследований и творчества. В центре внимания «структурная целостность» — единство компонентов представляет своеобразие и особый извод мысли «русского мира».

Именно структурно-пространственный подход позволяет выявить и утвердить доминантные константы рефлексии и жизнестроения.

В раннем творчестве В. В. Розанова актуализированы фрагменты параллельного письма разных авторов, когда в одном смысловом процессе размещены «*свое*» и «*чужое*» — важным является родовое совместное творчество. Позиции могут существенно различаться, но все эти различия и противоположные мнения сливаются в общее представление о творчестве и жизни. Формируется особый субъект, создаваемый дискурсивными практиками — родство в событийном надпротиворечивом смысловом действии. Письмо, следовательно, — это феномен надличностный, хотя исполняется конкретными субъектами. Но даже субъектность и субъективность изменяются под воздействием влияния дискурсивных и символических практик. Так, в литературное творчество входит философско-антропологическая тематика, в этом плане значим рост внимания к соматике.

Неконтролируемая физиологическая деятельность, или ритмичные приливы и выплески телесных отправления, или же смесь кулинарных и сексуальных образов — физиологическое отправление предметов мыслительности. Здесь можно вспомнить о весьма заинтересованном отношении Розанова к телесному языку танца Айседоры Дункан. Этим творчество Розанова одновременно привлекало массовую аудиторию и отталкивало интеллектуальную. Правда, и при таком однозначном взгляде остается место для объемного понимания. «Тайное нашептывание» Розанова в связке с «физиологическими излишествами» признается как стремление стереть границы «между телом и языком» (Матич 2008, 118).

Письмо в своей надличности включает в себя, таким образом, новые стратегии формирования смыслов. «Интимные вербальные жесты Розанова служат своего рода мостом между языком и чувственным миром, создавая иллюзию непосредственного обращения к чувственному опыту. Хотя риторические стратегии Розанова неповторимо индивидуальны, в них отразилось декадентское желание нарушить жесткую границу между языком и телом; стремление проникнуть в полости тела частного человека и вернуть литературу к феноменальному, „плотскому“ опыту, из которого, как полагал Розанов, и выделилось письмо. <...> оно пытается сделать слово плотью, обращаясь к сексуальному телу, тактильному и повседневному» (Матич 2008, 254).

Розанов, как представляется, сам понимал опасную для литературы предельность своих представлений о совмещенности духа и плоти, но сознательно и последовательно шел к такому представлению, углубляя и одновременно возвышая письмо. Здесь, можно сказать, осуществлен философско-антропологический жест через создание авангардного — *отстраняющего* — творческого усилия, что одним из первых отметил В. Б. Шкловский.

Розанов фигурационным письмом стремился уйти от стершихся идей и образов, поднимаясь над хорошо известными ему современными представлениями о путях творчества и их содержании. Так, приобретая онтологические характеристики, письмо словно бы начинает определять пути творчества — Розанов обращается даже к своей биографии и начинает описание *недостойного*, под воздействием логики письма включает эмпирически значимые данности, все то, что жизненно существует, и то, что должно бытийно быть. Это совпадает с идеями логики *воображаемого* Н. А. Васильева

и *литературными фантазмами* С. Д. Кржижановского.

И здесь снова о значимости темы расположенности и пространства для отечественной мысли. Письмо пространственно соединяет позиции в представлении единого смыслового ландшафта. Пространство — это открытость к приятию позиций, оно многомерно и словно бы поднимается над временем, можно сказать, над способами рефлексии модерна.

Розанов создает особый извод в этике: входит в то, что Юрген Хабермас назовет этикой человеческого вида, стремится свидетельствовать о чем-то большем, чем конкретное утверждение той или иной этической позиции. Можно добавить, что он сближается с этикой гостеприимства Жака Деррида, где абсолютный этический закон *приятия* призван к действию. Позиции, которые обозначает Розанов, предстают как предельные экзистенциалы существования: *понимание, память, отечество, семья, любовь, творчество*. Понятно, что к ним примыкают *забота, свобода, одиночество*. Но наиболее значимо *вещное, предметное, кровное, телесное, вожделеющее* — символические объяснения всегда идут вслед. Предметы, вещи, плоть входят в возможность сострадания и родства. Идеологически же в обоих стремлениях утверждающий традиции консерватизм и открывающие жизненное творчество либеральные свободы могут сойтись во взаимостремлениях.

Письмо отличается от логики конечных суждений. Это сам процесс наращивания смыслов в его принципиальной несводимости к частным и частичным наполнениям. Письмо развернуто в надпротивопоставлении позиций в органическом единстве.

Письмо в его дискурсивной всеобщности дает возможность высказаться тем индивидуальным голосам, которые сами высказываться не могут. Голоса оказываются равноправными именно потому, что каждый включен в письмо, где сходится живое и мертвое. Так, в произведении Ф. М. Достоевского «Бобок» из «Дневника писателя» письмо в его надпротиворечивости представляет свидетельство невозможного, что претендует на существование и признание. Это говорение именно за счет силы и энергии письма, а не просто говорение по инерции: «*Бобок, Бобок!*» — «*мортальный ресентимент*». Топология предполагает одновременность пребывания в пространстве письма — в традиции отечественной мысли это наследование *сборности*. Следовательно, можно сказать, что истина высказывания не находится *до* или *после* высказывания, а рождается в сопоставлении

смыслов за счет энергии письма — авторство в отношении к письму приобретает родовой характер.

Аппараты и архетипы письма

Письмо имеет двойное обращение: и к дискурсивной практике, и к индивидуальному исполнению. Определяемые константы письма и культуры позволяют исследовать преемственность творчества в соотношении с историческими и стилевыми вариантами. Для письма оказываются важными не идеологические и культурно-исторические отсылки, не миметические уподобления внешнему, а внутренняя энергия и логика. Действуют, можно сказать, особые эпистемологические аппараты или приемы, создающие конкретные наполнения в континуальном движении письма. Ведь письмо должно постоянно вызывать новые переживания, подобные действию актуальной *формы* в эстетике русского формализма. И даже если понимать творчество как текущую тайну, о чем писал Розанов, то нужно иметь в виду, что письмо поднято над психологическими объяснениями. И формирующийся «концептуальный персонаж» (Жиль Делез) несет в себе одновременно родовое и личностное начала, имея дело с приемами и их модификациями, позиционируя себя на фоне надпротиворечивого письма. Розанов говорил даже о «геометрических аксиомах», которые действуют в процессах понимания и творчества, то, в отношении к чему автор никогда не может быть свободным. Тут Розанов вплотную приближается или даже опережает гораздо более поздние представления о «фигурах разума» в эпистемологии и философской антропологии. Письмо словно *втягивает* в себя творческого субъекта, понуждая обращать внимание на уже схваченные предшественниками грехи и погрешности мира: необходимо иметь дело с надпротиворечивыми смыслами, моделями таковых можно считать природные законы. Письмо при всей его символической субстанции приобретает природно-естественные признаки, становится своеобразной символической эпопеей: одновременно мир представляется как природа и как культура, что во многом свойственно именно для русского письма. (Ди Джакомо 2018, 107).

Свидетельствование о *человеческом* не дается просто и прямо. Письмо призвано и призывает авторов выражать душу мира, которая, по мысли Розанова, произошла раньше, чем возник мир, то есть обратить внимание на темы первоименования, называния, конкретного

понимания. И Розанов обращает мысль к энтелехии Аристотеля, чтобы объяснить силы *предшествования* для человека. Страшный дух в романе Достоевского сказал про людей как малосильных бунтовщиков, «недоделанных пробных существ, созданных в насмешку». Неужели жизнь человека предопределена с истоками человеческого?

Именно с помощью идей письма Розанов смещает претендующие на окончательный смысл исторические и литературные идеи. Так он относится ко многим собственным взглядами. Они все *сыгрываются* в диалогах письма, сохраняя энергию вопрошания и поиска.

Мышление Розанова точнее было бы называть не *альтернативным*, а *событийным*.

— Где же тогда истина?

— В полноте всех мыслей. Разом. Со страхом выбрать одну. *В колебании*.

— Неужели же *колебание* принцип?

— Первый в жизни. Единственный, который тверд. Тот, которым цветет все и все — живет. Тот, которым цветет все и все — живет. Наступил-ка устойчивость — и мир закаменел бы, заледенел (Николюкин 2012, 66).

Можно сказать, что *колебание* — это *мерцание* письма. Розанов сознательно идет на демонстрацию логики смысла. Мир *мерцает* (Валерий Подорога), письмо же соответствует миру, в то же время придавая фигуративность и энергию понимания. Так истина выводится к ее *антиномичной* и даже *агональной* природе, что обнаруживается только при обращении к теме надпротиворечивости. И даже обращаясь к прошлому, Розанов устремлен к необходимо возможному — письмо предписывает путь. В связи с этим еще раз вспоминается логика *воображаемого* Н. Васильева: «Платон гипостазировал мир идей; такой мир был подчинен воображаемой логике» (Васильев 1989, 106).

Логика развертывания письма соотнесена с логикой возможного, личное представительство автора осуществляется на фоне образов, идей и архетипов письма. Так выстраивался и особый *извод* отечественной мысли — метафизика космизма в воплощении письма. Речь не о генетической детерминации, а о сходстве правил признания стратегий смыслогенеза — выходе к тому, что может быть условно названо прогностика письма с особым положением *субъекта*, свидетельствующего письмом.

Речь может идти о мерцании будущего.

Мне грезится безвестная планета,
Где все идет иначе, чем у нас.

Н. А. Васильев

Но речь о такой интуиции, где действует идея паранепротиворечивой мысли — непротиворечивая энергия письма. Логика воображаемая, разрабатываемая Николаем Васильевым, предстает как возможность «поэмы утверждения» для постмодернистского подобия «картины мира». Это также понимание родовой природы творчества и продуктивных его перспектив в отечественной культуре.

Розанов писал о значимости пребывания на *пределе*, как в творчестве, так и в личной жизни. Он говорил об особой фигуре, которую сегодня можно было бы назвать *диагностом*, который создает особую поэтику письма. И это потому, что такой «*краевой мыслитель*» существо одновременно необходимо и свободно действующее: с одной стороны, укорененное в «чистой алгебре» понятий, а с другой стороны, обращено к экзистенциальной жизни автора. «Это — абстрактные знаки усложнения человеческих понятий; вывод из понятия *бытия* — понятия *тождества*, из *тождества* — *единства*, из *единства* — *множества* и т. д., то есть все то, что со времен Платонова „Парминиды“ и до диалектики Гегеля составляло душу логической обработки наших отношений к космосу» (Розанов 2008, 150).

На этом фоне актуальна отстраненность, когда в оптике сохраняются самые дорогие переживания, — это своеобразная терапия против дискурсивных логик. Значимы первичные интуиции творчества.

Этим только, т. е. столькими годами мечты, воображения, соображений гипотез, догадок, а главное — гнева, нежности, этой пустыни одиночества и свободы, какую сумел же я отвоевать у действительности, мелкой, хрупкой, серой, грязной — и объясняется, что прямо после университета я сел за огромную книгу „О понимании“, без подготовок, без справок, без „литературы предмета“, — и опять же плыл в ней легко и счастливо, как покрывалом Лаодикеи... Странная судьба, странная жизнь. Но я заговорил не об ней, не об этой полосе жизни и счастья, а о часах покорности действительности, когда у меня не было стеклянных (блаженных) глаз, а глаза робкие, тихие, я думаю (так я чувствую в душе, так было с внутренней стороны), глубокие, но в чем-то вечно извиняющиеся и за что-то просящие пощады, а вместе — хитрые и готовые на злость, готовые на моментальное бешенство, если бы меня не „простили“ и не пропустили к той маленькой щелочке, к какой-нибудь нужной вещи, к которой я пробирался, извиняясь на все стороны. Странно, сколько животных во мне жило, шакал и тигр, а право же — и благородная лань, не говоря уж о вымистой (с большим выменем) корове, входили в стихию моей души. <...> Вот это обилие в животном — еще животных... эта бездонность разумной и провидищей животности

всегда была во мне, и отталкивала от меня, и привязывала ко мне. Мне случалось быть шакалом — о, ужасные, позорные минуты, не частые, но бывавшие — вот бегут люди, отворачиваются: глубокая скорбь проходит по душе, и вдруг выходит лань, да такая точеная, с тонкими ногами, с богозданными рогами, ласкающаяся, кладущая людям на плечи морду с такой нежностью и лаской, как умеет только лань.

Но бросим. Я все увлекаюсь. То — перед старостью. <...> Нет, если я не умел или не смог жить, как хотел бы, я хотел бы, по крайней мере, умереть, как хочу» (Розанов 1990, 656–657).

Даже смерть в ее неотвратимости предстает в обрамлении письма — символически помечена и так, словно бы бесстрашно приручена, — закладываются основания этоса письма, включенного в стяженное пространство органической необходимости, вечности, предметности и смысла. И тут интересно заметить, что первичное переживание предшествует объяснению и содержит в себе принципиальную непредсказуемость. Письмо приходит на уже возникшее ожидание, осваивая, но не присваивая его до неразличности. «Неумолчно звучащая музыка в душе» (В. В. Розанов) звучит и как хор символического космоса, и как мелодия переживаний. Здесь следует обратить внимание на близость мыслей Розанова с установками современных философов: «Музыка, иначе говоря, доводит *айстезис* до его предела: она вызывает бесконечно парадоксальное чувство — ощущение условия вообще любого чувствования, словно ей выпала невозможная задача представлять трансцендентальное, то есть чистую возможность самого представления» (Лаку-Лабарт 1999, 62).

Это присутствие тайны в поэтике письма пробрасывает его к тайнам жизни. Письмо в его символической бытийности предупреждает и против забвения жизни. Не нужно подстраиваться под конкретику образных представлений, когда затмевается жизнь. Не нужно подстраивать жизнь под слова, даже если это слова великого писателя-психолога («из круга Достоевского»): «Только не пишите ничего, не старайтесь: жизнь упустите, а написанное окажется „глупость“ или „не нужно“. <...> Она все думала. О Ставрогине, о Кириллове. Мир потух для нее. Люди погасли. Во всем мире торчали 6–10 огромных глаз — героев Достоевского. На Достоевского она променяла мир. В мире она ничего не слышала, кроме голоса Достоевского» (Розанов, 1990, 143). Таких людей нужно спасать: «Она забесумствовала о литературе. Разве это можно? Литература есть все-таки литература, как бы хороша и сильна она ни была. Достоевский есть Достоевский, человек, как мы» (Розанов 1990, 143).

Розанов говорит о таких олитературенных существах, подобием которых сейчас являются многие современники, пребывающие в потоках информации — это состояние без мыслей. Розанов их существование определяет как состояние *озорства*, пребывания «на колокольне». Ведь Достоевский «учил любить мир». Нужно мир, людей полюбить, — вот в чем нужны утверждения Достоевского. Литературные или, добавим сегодня, информационные *зеркала*, способны свести с ума.

Письмо и свидетельства воображаемого

Прогностическая способность письма проявляется в изменении эстетического сознания. Воображаемое динамично и надпротиворечиво, можно сказать, оно обладает *влажной* всепроникающей природой (Тевоз 2019, 389). Более того, воображаемое вызывает смещение в направлении эстетического восприятия объекта. Символическое воображаемое приобретает свойства вещи или даже становится вещью, которая сама на себя смотрит, сама себя прочитывает в процессе интерпретации, словно бы подчиняясь посланиям письма (Кадер 2015, 137). Соответственно, это предполагает обретение критико-аналитического субъекта, что можно сопоставить с фигурой субъекта в подходе к пониманию археологии медицинского взгляда Мишеля Фуко. Интерпретация письма координирует в себе множественность точек зрения вокруг одного надпротиворечивого объекта, который приобретает характеристики доступного анализу дискурса. Воображаемое выступает не только как всеобщее реальное, но и как «более, чем реальное», воплощенное в символической фактичности.

В письме С. Кржижановский актуализирует именно конструкции воображаемых миров — действуют феноменологические редукции приведения к ясности (Грякалов 2019, 389–414). В пространство письма запущены воображаемые состояния и фигуры, которым придан статус реально существующих. Надеясь телесностью и даже душевными свойствами воображаемые существа, Кржижановский персонифицирует их в архетипе *вживень*. Это существо письма, поднятое над предметными условиями существования, оно именно надпротиворечиво в своей

воображаемой природе и стремится *записать* себя в человеческий мир. Создание такого воображаемого как раз и возможно во взаимодействии дискурса и экзистенциального усилия творчества.

Существо — *вживень*, которое теперь в свете интереса к *символическому* можно было бы отнести к *симулякрам*, располагается в мире в статусе вездесущего субъекта-свидетеля, поднимаясь над законами реального мира. Это воображаемое существо живет в несогласии с установлениями земного тяготения — бунтует и протестует, предсказывает и предупреждает против возможных человеческих трансформаций и катастроф. Однако в отличие от симулякра *вживень* не стремится заменить собой человеческие существа и смыслы существования, а доводит идеи до предельного напряжения и действия. Письмо в его наполненности воображаемым представляет воображаемые предельные состояния радикальной антропологии, моделируя то, что может быть названо истиной.

Металогика воображаемого в надпротиворечивой целостности, можно сказать, представляет экзистенциальные *состояния*, *переживания*, *вымыслы* и мистификации. Действие выстраивается словно поверх очевидных данностей и действия воображаемого в письме могут становиться самодостаточными. Так в письме складывается представление о человеке и его состояниях, когда автор соединяет в себе *мыслителя-диагноста* и *писателя-свидетеля*.

Все крепнет Тишина. Я верю — близок миг —
И в безответности умрёт последний крик,
И души и тела — все канет в глубину
И будем слушать мы Господню Тишину.
С. Кржижановский. «Эригена»

Это может быть определено как топологически ориентированная философия — особый *космо-логос* письма.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список литературы

- Барт, Р. (1989) *От произведения к тексту*. В кн.: *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс, с. 413–434.
- Васильев, Н. А. (1989) *Воображаемая логика. Избранные труды*. М.: Наука, 264 с.

- Витгенштейн, Л. (1994) *Философские работы: в 2 т.* М.: Гнозис.
- Грякалов, А. А. (2019). *Топос и субъективность. Свидетельства утверждения.* СПб.: Наука, 565 с.
- Ди Джакомо, Дж. (2018) *Эстетика и литература. Великие романы на рубеже веков.* СПб.: Алетейя, 345 с.
- Кадер, М. (2015) Становление варварского или дикое: об истории настоящего. В кн.: *Шарль Бодлер и Вальтер Беньямин. Политика и поэтика.* М.: Новое литературное обозрение, с. 135–146.
- Лаку-Лабарт, Ф. (1999) *Musica ficta. Фигуры Вагнера.* СПб.: Аxiома, 218 с.
- Матич, О. Б. (2008) *Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России.* М.: Новое литературное обозрение, 396 с.
- Николюкин, А. Н. (2012) Как мыслил Розанов. В кн.: *Философия России первой половины XX века.* М.: Российская политическая энциклопедия, с. 146–157.
- Розанов, В. В. (1990) Мечта в щелку. В кн.: *О себе и жизни своей.* М.: Московский рабочий, с. 248–258.
- Розанов, В. В. (2008) *В чадку войны: Статьи и очерки 1916–1918 гг.* М.: Республика; СПб.: Росток, 621 с.
- Святополк-Мирский, Д. П. (2018). *Русское письмо: статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи: публицистика.* СПб.: Алетейя, 380 с.
- Тевоz, М. (2019) *Искусство как недоразумение.* М.: [б. и.], 152 с.
- Харман, Г. (2023) *Искусство и объекты.* М.: Изд-во Института Гайдара, 440 с.

References

- Bart, R. (1989) Ot proizvedeniya k tekstu [From works to text]. In: *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiology. Poetics]*. Moscow: Progress Publ., pp. 413–434. (In Russian)
- Vasiliev N. A. (1989) Voobrazhaemaya logika. Izbranny' e trudy. [Imaginary logic. Selected works]. Moscow: Nauka, 264 p. (In Russian)
- Di Giacomo, G. (2018) *Estetika i literatura. Velikie romany na rubezhe vekov [Aesthetics and literature. Great Novels at the Turn of the Century]*. Saint Petersburg: Aletheia Publ., 345 p. (In Russian)
- Gryakalov, A. A. (2019) *Topos i subektivnost'. Svidetel'stva utverzhdeniya [Topos and subjectivity. Evidence of Approval]*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 565 p. (In Russian)
- Harman, G. (2023) *Iskusstvo i ob'ekty [Art and objects]*. Moscow: Gaidar Institute Publ., 440 p (In Russian)
- Kader, M. (2015) Stanovlenie varvarского ili dikoe: ob istorii nastoyashchego [Formation of the barbarian or wild: On the history of the present]. In: *Sharl' Bodler i Val'ter Ben'yamin. Politika i poetika [Charles Baudelaire and Walter Benjamin. Politics and poetics]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 135–146. (In Russian)
- Lacoue-Labarthe, F. (1999) *Musica ficta. Figury Vagnera [Musica ficta. Wagner's figures]*. Saint Petersburg: Axioma Publ., 218 p. (In Russian)
- Matic, O. B. (2008) *Eroticheskaya utopiya: novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii [Erotic utopia: New religious consciousness and fin de siècle in Russia]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 396 p. (In Russian)
- Nikolyukin, A. N. (2012) Kak myslil Rozanov [How Rozanov thought]. In: *Filosofiya Rossii pervoj poloviny XX veka [Philosophy of Russia first half of XX century]*. Moscow: Political Encyclopedia Publ., 406 p. (In Russian)
- Rozanov, V. V. (1990) Mechta v shchelku [Dream in the slit]. In: *O sebe i zhizni svoej [About himself and his life]*. Moscow: Moskovskij rabochij Publ., pp. 248–258. (In Russian)
- Rozanov, V. V. (2008) *V chadku vojny: Stat'i i ocherki 1916–1918 gg. [In the heat of war: Articles and essays 1916–1918]*. Moscow: Respublika Publ.; Saint Petersburg: Rostok Publ., 621 p. (In Russian)
- Svyatopolk-Mirskij, D. P. (2018) *Russkoe pis'mo: stat'i. Retsenzii. Portrety. Nekrologi: publitsistika [Russian letter: Articles. Review. Portraits. Obituaries: Publicist]*. Saint Petersburg: Aletheia Publ., 380 p. (In Russian)
- Tévoz, M. (2019) *Iskusstvo kak nedorazumenie [Art as a misunderstanding]*. Moscow: [s. n.], 152 p. (In Russian)
- Vasiliev, N. A. (1989) *Voobrazhaemaya logika. Izbrannye Trudy [Imaginary Logic. Selected Works]*. Moscow: Nauka Publ., 264 p. (In Russian)
- Vittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty: v 2 t. [Philosophical Works. In 2 volumes]*. Moscow: Gnosis Publ. (In Russian)

Сведения об авторе

Алексей Алексеевич Грякалов, SPIN-код: [1285-0622](#), ORCID: [0000-0002-3036-4871](#), e-mail: alexalgr@mail.ru
 Доктор филологический наук, профессор, профессор кафедры философской антропологии и истории философии
 Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Author

Alexey A. Gryakalov, SPIN: [1285-0622](#), , ORCID: [0000-0002-3036-4871](#), e-mail: alexalgr@mail.ru
 Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy,
 Herzen State Pedagogical University of Russia.